

Феликс Соломоник

Стихи разных
лет

Феликс Соломоник
Стихи разных лет

«Издательские решения»

Соломоник Ф.

Стихи разных лет / Ф. Соломоник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837362-6

В этой книге стихов отражены два различных периода жизни автора: основной в России и дополнительный в США. Стихи разноплановые, искренние, проникнуты философским восприятием жизни.

ISBN 978-5-44-837362-6

© Соломоник Ф.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	7
Крестьянская идиллия	8
«Десятка»	9
Электричка	10
Песня вора	11
«Отгорел румянец, небо побледнело...»	12
Моя Россия	13
Осень	14
«Какой асфальт мокрый...»	15
Ленинградская осень	16
«Снова листья осыпала осень...»	17
«Ты спроси у коренного ленинградца...»	18
Валентина	19
«Под талым снегом всходят вёсны...»	21
«Слышишь? – Губы мои стонут...»	22
«Ты красива, хотя не без изъяна...»	23
Туристическая поездка в Москву	24
«Если б был я истый бард...»	27
«Девочка – уралочка, ливень глаз...»	28
Банщик	29
Кто же я?	30
Чёрт возьми!	31
Смысл жизни	32
Ирене	33
«Катенька, Катюша...»	34
«Тоня, Тоня, Тоня, Тоня!..»	35
«Тебе неудобно, тебе некомфортно...»	36
Ворон	37
Влюблённая змея	38
Вопросы и ответы	39
Памяти М. Цветаевой	40
Моя песенка	41
«День рождения, вино игристое...»	42
«Играет ворон во трубу...»	43
Торможение	44
Сказка	46
«Едим из общей миски...»	47
«Растаял без следа в лучах рассвета...»	48
На смерть В. Высоцкого	49
Облако	50
Зоопарк	52
Под левый марш	53
Круг воспитания	54
«Солнце, стосковавшись без работы...»	56
Размышления на Ваганьково	57
Слово правды	58

«Не могу ответить больше...»	59
Пятая звезда Леонида Ильича Брежнева	60
И. Л.	61
Длинноногая	62
«Дорогая моя, хорошая...»	63
Сибирь	64
Корейнка	65
Где?	66
«Лазорево, румяно...»	67
Дождь	68
«Надо ж, выпито вино...»	69
Кружева	70
В. Высоцкому	71
Может быть, схожу с ума?	72
«Пыжики» и «кролики»	74
Разговор с водителем такси	75
Матери	76
«В белую грудь, как в подушку зарыться...»	77
Завещание	78
Осень	79
Одна ночь	80
Академгородок	81
Невесомость	82
Где вы?	83
Зависть	84
Млечный путь	85
«Чем площе грудь, тем ближе ты ко мне ...»	86
Признание	87
А. В. Туровцеву	88
Весна	89
Дождик	90
Лиловый бегемот	91
Говорим и пьём	92
«Сорок лет, уже не мальчик...»	93
Романов – секретарь Ленинградского обкома	94
«Не зажжёшь отгоревшей зари...»	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Стихи разных лет

Феликс Соломоник

Посвящается моей маме – Берте Давидовне Барановской.

© Феликс Соломоник, 2017

ISBN 978-5-4483-7362-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В этой книге отражены два различных периода моей жизни: основной в России и дополнительный в США. Писать стихи я начал в ранней юности, но от того времени сохранилось лишь одно стихотворение, написанное мною в семнадцать лет под впечатлением первой трудовой повинности в подшефном колхозе. Стихи я писал исключительно «в стол», не делая никаких попыток их опубликовать. Единственной организацией, заинтересовавшейся моим творчеством был комитет государственной безопасности калининского района города Ленинграда – ныне Санкт-Петербурга. Однако их интерес, стимулированный людьми, корыстно заинтересованными в моей судьбе, возник лишь в конце 1985 года. В стране занималась заря перестройки. Хотя мои отдельные литературные опыты и попадали под семидесятую статью уголовного кодекса СССР, но особого рвения у комитетчиков уже не было. Правда, по мере прочтения похищенных у меня рукописей они время от времени задавали мне вопросы и намекали на возможность наказания, но перестройка набирала ход и их интерес к моему творчеству постепенно ослабевал.

Моя судьба сложилась странным образом: в пятнадцать лет – рабочий, в двадцать три – старший инженер, в двадцать пять – аспирант. Казалось, что эти метаморфозы происходят не со мной и по мимо меня, ибо выстраиваемая линия жизни была совершенно не та, о которой мечталось, уводя меня всё дальше в область технических задач и оставляя всё меньше времени для занятий литературных. Так, для того чтобы начать и завершить поэму, единственную в этом сборнике, мне потребовалось сорок лет. Стихи писал урывками. Случались длительные периоды, когда муза, если и приходила, то я не замечал её, обременённый житейскими заботами. Однако за полвека папка со стихами уже в столе не помещалась и, наверняка, истлела бы в пыли какого-нибудь чулана, но благодаря моей старшей дочери Ирине Ицковой, они увидели свет. Нет, не в России, а на другом конце земли – в США.

Пятый год, как я живу в Израиле, и за этот период мне удалось полностью отдаться литературному творчеству с эффективностью, не сравнимой с той, что была у меня за пределами земли обетованной. Первый результат – второе издание книги стихов, расширенное и дополненное и, я надеюсь, избавленное от множества ошибок и опечаток первого. Но, как первое дитя, первое издание для меня особенно дорого, ибо это был щедрый дар моей старшей дочери к моему семидесятилетию. Несмотря на все мои усилия, второе издание никогда бы не увидело свет, если бы не всесторонняя и ни с чем несравнимая помощь в подготовке рукописи к печати, оказанная, в первую очередь, моей женой – Лидией Яковлевной Соломоник и моей дочерью – Иреной Феликсовной Ицковой. Я выражаю им мою самую глубокую благодарность. Благодарю мою тетьку – Марианну Давидовну Барановскую за её неизменную любовь и поддержку на протяжении всей моей жизни. Она до сих пор является постоянным читателем и доброжелательным критиком всех моих стихотворных и прозаических творений.

Выражаю благодарность журналистке Аде Давыдовне Ничпальской за труд прочтения моей книги и доброжелательную оценку её содержания, послужившую толчком к подготовке второго издания, а также благодарю Отдел абсорбции города Петах-Тиквы за моральную поддержку.

Крестьянская идиллия

Играет гармонь и танцуют доярки.
Играет гармонь и танцуют свинарки.
Бульдозеристы и трактористы —
В деревне в почёте всегда гармонисты.
Маньку прижал к себе плотно Иван,
Облапив полный девичий стан,
А рядом Любка кусает губы,
Цедит проклятия сквозь белые зубы.
Ей к Ваньке – смерть, как прижаться хочется,
А рядом бык крутолобий мочится,
Свинячье рыло торчит из грязи,
А грудь колышет блузку из бязи.
Полные груди и мощные бёдра,
А рядом чья-то пьяная морда.
Ну вот на солому метнулись две тени.
Лопнул подол, разломились колени.
Красные, страстные, потные лица.
Машет крыльями белая птица.
Крестьянская сказочная идиллия —
Тело захочешь, возьмёшь без насилия.
Пьян гармонист, не играет гармонь.
Запах сирени, навозная вонь.

1960 г.

«Десятка»

Временем изъезжена десятка¹
И ползёт по улице едва —
Вот из двери вывалилась шапка,
Руки, ноги, чья-то голова.

Ты и рада вдвое бы раздуться,
Но бока железные твои
Только искривляются и гнутся,
Ты рискуешь лопнуть по пути.

Для студентов старой колымагой
Ты давно из года в год сльвёшь.
И со львовским не сравнить стилиягой,
По старинке скромно ты живёшь.

В автопарке тихо встав в сторонку,
С завистью ты смотришь на подруг,
Что одеты в лаковую плёнку,
Образуют шумный пёстрый круг.

Не грусти и, лязгая железом,
Юность дорогую не брани.
Ты была подругою невежам,
А теперь с дипломами они.

1962 г.

¹ * Десятка – номер автобуса, подвозившего студентов Ленинградского электротехнического института от метро «Петроградская».

Электричка

Электричка уходила в ночь.
За окном поплыли сосны, ели
И колёса песню свою пели,
От чего-то убегая прочь.
Электричка уходила в ночь.

Светофор прищурил сонно глаз.
К горизонту падая звездою,
Он зажётся низко над землею,
Поезду мигнув в последний раз.
Светофор прищурил сонно глаз.

Облако, как капелька чернил.
Ветер рвёт рукав моей рубашки,
Неуклюжи у него замашки
Или просто слишком много сил.
Облако, как капелька чернил.

От чего бегу я и куда?
Эта ночь и эта электричка...
До чего же скверная привычка —
Не могу дождаться я утра!
От чего бегу я и куда?

1962 г.

Песня вора

Мама моя родная, не брани,
Не жалея, пожалуйста, слёз не лей.
Золотые снова наступят дни,
А пока пришли мне сухарей.

Жаворонок, жаворонок голосист,
Горлышко ощипано, летит пух.
Дело наше сделано – карман чист,
Выстрелы вдогонку: бух, бух, бух!

Вся тайга разлапилась. Ветер, брат,
От болотных гнилостных этих мест
Не возьмёшь ль попутчиком в Ленинград?
Знаешь тропку каждую ты окрест.

Жаворонок, жаворонок голосист,
Горлышко ощипано, летит пух,
Дело наше сделано – карман чист,
Выстрелы вдогонку: бух, бух, бух!

Гражданин начальничек гнёт в дугу,
Проволока колючая, высок забор,
Всё равно отсюда я убегу,
Будь последний фрайер я, а не вор.

Жаворонок, жаворонок, голосист,
Горлышко ощипано, летит пух.
Дело наше сделано – карман чист,
Выстрелы вдогонку: бух, бух, бух!

А пока мы сутками лопату в ров,
Поднимают поутру нас петухи,
Гонят нас на вырубки, как коров,
На харчах отъевшиеся пастухи.

Жаворонок, жаворонок, голосист,
Горлышко ощипано, летит пух.
Дело наше сделано – карман чист,
Выстрелы вдогонку: бух, бух, бух!

1963 г.

«Отгорел румянец, небо побледнело...»

Отгорел румянец, небо побледнело
И в глазах угасла синева.
Лишь полоска губ едва алела,
Тонкая, как лука тетива.

День уполз, как раскалённый слиток,
Отряхнув окалину с листвы,
Жар неторопливо тёк с гранитов
В зыбкие объятия Невы.

В улице и переулке каждом —
Тишина, звучащая мольбой.
Остуди испепелённых жаждой,
Остуди прохладною струёй.

Но прохлада заблудилась где-то,
И ладони, полные росой,
Не подставит граням парашетов,
Не напоит, не остудит зной.

Лишь влюблённым дела нет до зноя —
Реет парус северных ночей
И плывут сквозь молоко парное
Вдоль Невы, как пара лебедей.

1965 г.

Моя Россия

Отсюда началась Россия —
С гранитных невских берегов.
Здесь первозданная стихия,
Вовек не знавшая оков.

Здесь небо северное рядом,
Здесь до него подать рукой,
И по утрам над Летним садом
Туман холодный и седой.

Здесь кони Клодта на Фонтанке,
Творил здесь Росси, Фальконе...
И я люблю скакать по пьянке
С Петром на вздыбленном коне!

Здесь ночи белые. Закаты
Едва лишь небо подождли —
Горят дворцовые палаты
Уж алым отблеском зари.

Пробило на часах вокзальных,
И ночь уж тает в синеве.
Заря, качаясь на Ростральных,
Перстами плещется в Неве.

А осень, осень в Ленинграде —
Промозглость, сырость и дожди,
Дома укрылись в листопаде,
Как люди в тёплые плащи...

Я в морозящий дождь по парку
Брожу, в листы упрятав грусть,
И в кабаке пью с другом старку
За эту хмаревую Русь.

Здесь родилась моя Россия,
И я люблю её до слёз.
Пускай метут дожди косые,
И ветер воет, словно пёс.

Осень

Падают листья – осень.
Сырость висит на ветках.
И за вершины сосен
Солнце цепляется редко.

Крылья расправили птицы,
Небо изрезали стаи,
Стали скучнее лица
И холоднее, чем в мае.

Уже по утрам иней.
Лужи хрустят под ногами.
Асфальт удивительно синий
Стелется между домами.

Падают листья – осень.
Крыши намокли в лужах.
Становится дождь несносен,
А просинь всё уже и уже.

Сыплют под ноги клёны
Золото листьев шуршащих
И хорошо влюблённым
В днях, чередой уходящих.

Меня же ветра осенние,
В окна стуча листьями,
Тянут к Сергею Есенину
Грусть развести стихами.

Грусть, оголяются кроны.
Дней очень схожих вязь.
Прошу – не роняйте, клёны,
Багрянец осенний в грязь!

Но круговерть листопада
Рвёт и швыряет листы
На улицы Ленинграда,
Набережные и мосты.

1968 г.

«Какой асфальт мокрый...»

Какой асфальт мокрый,
Какое серое небо,
Какой день тусклый,
Какой день безрукий!
А самолёт в небе
Сложил свои крылья.
Он, став совсем точкой,
За горизонт рухнул.
И покачнулось небо,
И прослезилось небо,
И стал асфальт мокрее,
Темнее стали тучи,
И стало так тревожно,
И стало так одиноко!

Осень 1968 г.

Ленинградская осень

Кто не знает ленинградской осени —
Под ногами шуршащие пёстрые листья,
Небо, потухшее без единой просины,
Как усталые руки, повисшие мосты.

Деревья безлистые, словно уснувшие.
Угрюмо гранитные сфинксы и львы
Смотрят печально глазами потухшими
В холодные серые волны Невы.

Птицы, уставшие от холода жаться,
Покинули тут гнездовья свои.
Остались лишь коренные ленинградцы,
Дикие голуби и воробьи.

В лужи дома опрокинули крыши.
Шпили легли поперёк мостовых.
Стали рассветы над городом тише,
Кутая город в туманах седых.

Падают листья в осеннем стриптизе,
Как обелиски – деревья стоят.
Промокшие голуби на карнизе
Главного Штаба сидят.

1968 г.

«Снова листья осыпала осень...»

Снова листья осыпала осень,
На ветрах накатавшись влать.
Вдруг зачем-то ударилась оземь
И дождями косыми зашлась.

По асфальту, по крышам, по стёклам
Разрыдавшись, размазала слезь
И под небом холодным и блёклым
Город съёжился, скрючился весь.

Мне по духу её причуды:
Круговерть листопада и тут —
Облака, как с поклажей верблюды,
По осенним пустыням бредут.

1969 г.

«Ты спроси у коренного ленинградца...»

Ты спроси у коренного ленинградца,
Встретившего двадцать пять здесь вёсен.
Как ему сейчас легко будет расстаться
С городом – спроси его про осень.

В каждом месте своё время года
Души чистит, как метлою двор.
Вот у нас осенняя погода
Весь дождями выметает сор.

Ленинград немислим без тумана.
Грусть разлита в чаши площадей.
Ленинград немислим, как ни странно,
Без осенних, полных хмари дней.

Деревья все усеяны слезами,
Пожухшие листы на мостовой.
Смотришь на всё грустными глазами.
Где души утраченный покой?

Мечешься, как пойманная птица,
Бьёшься в клетке крыльями ночей,
А заснёшь – тревожное всё снится,
Будто нет ни окон, ни дверей.

И пока с души не счистишь грязи,
Не вдохнёшь всей чистоты снегов,
Будешь, словно конь у коновязи,
У своих сомнений и грехов.

В осени, как в самом лучшем душе,
Мы смываем хмарь с себя и гниль.
В осени мы чистим свои души,
Как корабль в доке чистит киль!

1969 г.

Валентина

Тина-тина, тамбурина!
Повторяет он невнятно —
Валентина, Валентина —
Одно слово многократно.

В цирке в купол —
Мотоцикл: шёпот, ропот.
Лица бледные у кукол
И мотора дикий хохот.

Этот парень крутит ловко —
Страх ползёт с партера в ложи.
Но зачем он снял страховку?
Жутко, аж мороз по коже.

Барабаны бьют тревожно
И о рёбра сердце бьётся.
Это просто невозможно!
Неужели разобьётся?

Тина-тина, тамбурина!
Пропасть скалит свои зубы.
Валентина, Валентина
Горечь обжигает губы.

Даже сытые матроны
Не найдут от страха места,
Но прорвавшийся сквозь стоны
Чей-то голос: «Жарь, маэстро!»

В петле мёртвой крутит чёртом,
Пальцы впились в плюш диванов,
Кровь застыла по аортам,
Дробь сухая барабанов.

Вот вираж, он на манеже,
Многогрудный слышен вздох,
Сердце бьётся реже, реже
– Ох!

Он идёт, взята вершина,
И толпа ликует дружно.
Валентина, Валентина,
Как и прежде – равнодушна.

1969 г.

«Под талым снегом всходят вёсны...»

Под талым снегом всходят вёсны
В кипени вешних вод.
Полощет розовые дёсны
У горизонта небосвод!

И солнечной напившись браги
В хмельном бреду лежат поля.
Как кубки – полные овраги
И пьяно гнутся тополя!

Косой уже не вяжет стёжки,
Вскочив с постели поутру.
На ветках верб звенят серёжки,
Как колокольцы на ветру.

Весна наполнила желанием,
Пришла любовь, как стаял снег.
И вот спешат все на свидание —
Последний червь и человек.

1969 г.

«Слышишь? – Губы мои стонут...»

Слышишь? – Губы мои стонут,
Тело, словно, ртуть!
Твоих глаз бездонный омут
Манит к себе – жуть!

На коралловые рифы
Твоих жарких губ
Брошусь яростно, как скифы,
Буду рьян и груб.

И в объятьях, как в метели,
Я готов пропасть!
Лишь бы только быть у цели,
Утоляя страсть.

1969 г.

«Ты красива, хотя не без изъяна...»

Ты красива, хотя не без изъяна.
Что изъян? – Ведь мне не продавать.
Раз моя душа восторгом пьяна,
Я имею право целовать

Эти руки, губы и иное —
Всё, о чем умалчивает бард.
Пусть об этом знают только трое:
Ты и я, ну и конечно март!

Мне плевать, что кто-то твои плечи
Обнимал, как ветер паруса.
Раз твои глаза горят, как свечи,
Всё былое – в прошлом полоса.

И пускай, как струи водопада,
Дни звенят над нашей головой.
По весенним крышам Ленинграда
Бродит солнце с чашей круговой.

Словно чашу, опрокинув тело,
Пью его, хотя сам в стельку пьян.
У любви не может быть предела,
Где предел – растёт один бурьян.

Пусть напьются окна жёлтой браги,
Свесив небо прямо к нам в постель!
Мне сейчас не занимать отваги
В голове моей весенний хмель!

Твои бёдра бьются исступлённо
В силках рук, как птица бьётся в клеть.
Я в твоих волос красивых волны
Хочу влить своих густую медь.

Я хочу все больше. Сердце биться
Перестанет и замрёт в груди...
Я в тебе хотел бы заблудиться,
Чтоб назад мне не было пути.

Март, 1969 г. Ленинград

Туристическая поездка в Москву

День первый

Вот и Москва! Автобус шины рвёт.
У всех уже измученные лица.
Бывает так: раз в жизни повезёт —
За три рубля окажешься в столице.

Москва, Москва! Мелькание реклам,
Обилие музеев, вернисажей,
Многоэтажность, сутолока, гам
И встречный ветер пудрит лица сажей.

Экскурсовод – и за его перстом
Вращают головы измученные шеи.
Чем знаменит вот тот и этот дом,
Откуда взяты плиты мавзолея.

По Третьяковке свой ускоряю скок,
Уже не люди пробегают – тени!
Покалывает сильно левый бок,
Дрожат от напряжения колени...

Настала ночь, набросив тёмный плат
На плечи обессиленной столицы.
Из Шереметьево однако в Ленинград
Ещё летят серебряные птицы.

Усни скорей пока рассвет рукой
Дремоту не стряхнул с Кремлёвских башен.
Тебе как никогда необходим покой.
Наступит день, который будет страшен.

А ты не спишь. Узка твоя кровать?
Возможно перемена обстановки?
Я с радостью, чтоб легче засыпать,
Тебя б погладил нежно по головке.

Жаль не хватает мне длины руки.
Ты спи и пусть тебе приснится,
Что я тебе прочёл свои стихи,
Что в Ленинграде ты, а не в столице!

Час третий ночи, я иду домой,
Купил у дворника французскую футболку.
Я видел, как закат целуется с зарёй.
Тебя бы целовал – но ты взяла путёвку!

День второй

Пора вставать! Уже взошла заря —
Увы, но ей неведома усталость.
Шагнув по стенам древнего Кремля,
Она прижала к окнам персей алость.

Проснулся город. Протерев глаза,
Он ринулся толпой на тротуары.
На все лады грохочут голоса.
Запружены проспекты и бульвары.

Пора вставать, но вяжет веки сон,
Сковала тело всё твоё дремота,
А из груди, как птица, рвётся стон
Смотреть на что-либо уже прошла охота.

Автобус твой издал призывный рык.
Тебя к себе он призывает снова,
А кто к таким поездкам не привык
Пушай гуляет дома по Дворцовой.

Опять мелькание зданий и мостов.
Гостиницы, швейцары все в ливреях...
О, милый и далёкий град Петров! —
Вас снова повели по галереям.

Пока что утро – день лишь начал бег.
Что будет позже, мне предвидеть трудно.
Иголка в стоге сена – человек.
В Москве всегда ужасно многолюдно.

Я – ленинградец, чужд мне этот гам,
Ты к сутолоке тоже не привыкла.
Гудение неоновых реклам
И купола церквей желтеют, словно тыквы.

К чему перечислять все злачные места,
Шикарный выбор вин в известнейших шалманах —
Не хватит мне тетрадного листа.
Там можно загулять не при пустых карманах.

Но у тебя с собою денег нет.
Без них московские тускнеют краски.
Хотя вот справа от тебя сосед
Четвёртый час тебе всё строит глазки.

А в Ленинграде сейчас цветёт сирень

И сочную макает зелень лето
В безоблачного неба голубень,
Закат сплёл пальцы с пальцами рассвета.

Мой Ленинград, июнь ласкает день
И кубки улиц полны солнца светом,
Ростральные отбрасывают тень,
Её ломают грани парашета.

Но без тебя весь город стал не тот,
И в институте сплетни ходят вяло.
Автобусы замедлили свой ход,
Трамваи тащатся по улицам устало.

Как будто винтик выпал из гнезда
И вот уже одно с другим в разладе.
Бросай Москву! Лети ко мне сюда,
Я буду нежен, как стихи Саади!

Час пятый ночи, звёзды далеки,
Смыкает сон уже мои ресницы,
Мне до тебя не протянуть руки —
Я в Ленинграде, ну а ты в столице.

1969 г.

«Если б был я истый бард...»

Если б был я истый бард,
Над весной главою свесясь,
Я бы пел про рыжий март,
Про котов медовый месяц.

Я у солнца б рифмы отнял,
Отобрал у неба просинь.
Я бы мир руками обнял,
Был бы пьян от хмеля вёсен.

Я б на солнечных подвесках
Вмиг устроил бы качели,
Вышибал бы рамы с треском —
Дребезг стёкол на панели.

Без меня поют капели,
Водосточных труб джаз-банды.
Солнце крутит карусели,
Хрумкая сосульки жадно.

Милый друг, в преддверии марта
Я грустней пустой бутылки.
Если б был я истым бардом,
То сидел давно б в Бутырке.

1970 г.

«Девочка – уралочка, ливень глаз...»

Девочка – уралочка, ливень глаз.
Ты послушай, Талочка, тихий сказ.
Осень льётся в бороду ведуна.
Но а ты так молода, как весна.
За лесами, долами будет даль.
Лети белым голубем, брось печаль.
В шёлк лугов некошенных, в синь озер.
Там леса нехожены до сих пор.
От умытых росами трав – дурман.
Ты ногами босыми изомни туман.
На ковре из вереска ты одежды скинь.
Оттолкнись от берега, ухнув в синь.
Колдовство у озера – ведьмин край.
Снова твои козыри – выбирай!

1970 г.

Банщик

Повидал я в бане всякого
Без одежд все одинаковы!

Хватит мне вязать здесь веники,
Пора прямо в академики.
В кибернетики, в генетики
В общем, только в теоретики!

Не за славой, не за тыщами —
Сами здесь сидим не нищими.
И не для разнообразия —
Надоели безобразия:

Не доплыть никак до берега,
Кулаком грозит Америка,
Тонет лес, в реках не сплавится,
А в озёрах рыба травится.

Воду аж в Байкальском озере,
Словно пашню, унавозили.
Людам мало хлеба ситного,
Жить хотят без дефицитного.

Кто-то что-то где-то путает,
Разобраться б с баламутами.
Я связал бы, что не связано,
Чтобы было так, как сказано.

Тридцать лет – и веник к венику.
Да не в жисть бы академику.
Всё, конец долготерпению!
Ухожу я в академию!

1970 г.

Кто же я?

Россия моя,
Любовь моя!
Ты боль моя,
Мозоль моя.
Россия моя,
А кто же я?
Ты боль моя,
Мозоль моя.

1970 г.

Чёрт возьми!

Крутится планета,
Матушка-Земля,
Раззвенелось лето,
Квокчут тополя.

Первые побег,
Алый жемчуг рос,
Вдруг ударят снега,
Затрещит мороз.

И весна, и осень,
Лето и зима,
Голубая просинь,
Вьюги кутерьма.

И надежды сини —
Их тускнеет цвет,
За окошком иней —
Двадцать восемь лет.

Всё как будто было —
Без следа ушло.
То, что жгло — остыло,
В осень отцвело.

Новый год — и снова,
Верись, чёрт возьми,
Что не так хреново
Будет впереди!

1971 г.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Смысл жизни – в чём же он?
Где берёт своё начало?
Может, это ток времён
Или же на дне бокала?

Кто подскажет мне ответ?
Кто откроет в тайну двери?
С одного и спросу нет,
А другому не поверишь.

Сам себе который год
Тридцать лет стало намедни.
Разъясняю, только вот
В голову всё лезут бредни.

Март 1973 г.

Ирене

Все вокруг белым бело —
21-е число!
Миг рожденья доченьки
В 3.15 ноченьки!

21 декабря 1973 г.

«Катенька, Катюша...»

Катенька, Катюша
Повзрослеть спешит
И медведь из плюша
Брошен и забыт.

Ну а детство рядышком —
Топ, топ, топ —
Сердится на бабушку,
Свой нахмутив лоб.

Но к капризной скрипке
Подбери смычок —
На флажке улыбки,
Белый ярлычок.

За цветеньем сада
Колокольцев звон.
Торопить не надо
Бег времён.

1973 г.

«Тоня, Тоня, Тоня, Тоня!..»

Тоня, Тоня, Тоня, Тоня!
От заката до зари
Мчатся кони, мчатся кони,
Лишь мелькают фонари.

Ветер шальный, шальный, шальный
Гонит тройку, пляшет кнут.
Мало, мало, мало, мало —
Колокольчики поют.

Мчатся кони, кони, кони
И пурги гудит набат.
На ладони, на ладони
Хлопья белые летят.

Эй! Куда? Куда? Куда вы?
Колокольчики звенят.
Снежной лавой, лавой, лавой,
Словно под гору летят.

Убегает, тонет, тонет,
В вихре снежном огонёк,
А у Тони, Тони, Тони
Сердце бешеное «Ёк»!

1973 г.

«Тебе неуютно, тебе некомфортно...»

Тебе неуютно, тебе некомфортно,
Как непривычно твое состояние!
Словно корабль твой вышел из порта,
А в трюмах его только боль и отчаяние.

Куда ты? Открытое море – не шутка!
Там всё по-иному, подумай сначала.
Там ветры смеются и воют так жутко,
Там волны летят, чтоб разбиться о скалы.

Отговорить? Я бы только с тобою
Поднял паруса. Пусть волны и ветры
Наполнят их бездной и пеной морскою
До самого края небесного щедро.

Но ты далеко не уйдёшь от причала.
Берег есть берег, пусть вязкий и зыбкий.
Судьба тебя прочно к нему привязала
И в море ты вышла, увы, по ошибке.

1975 г.

Ворон

Этот ворон – чёрный ворон.
Белый снег – как он контрастен!
Я виденьем околдован
И предчувствием несчастья.

Трёхсотлетний редкий опыт —
Ждать конца у каждой песни.
Сколько раз орлиный клёкот
Слышал он из поднебесья!

Ворон знал: того, кто носит
Дух высокий, с древа жизни
Всё равно уронит осень.
Ворон понял смысл высший —

Править пир на смертном ложе.
Разве есть вершина слаще?
Торжеством упиться может
Он над бездной – не парящий!

Что с того, что смел и зорок
Был, летавший выше ночи.
Чёрный ворон – мудрый ворон
Ждёт свой час и когти точит.

1975 г.

Влюблённая змея

Однажды змея прошипела коню:
– Тебя, мой буланый, я страстно люблю,
– Он ей не поверил и громко заржал.
Вот так и застыл лошадиный оскал.

Змея же любовно прижалась к груди.
Попробуй, коль сможешь, коня разбуди.
Вернее змеиной любви никакой
Нет в мире до самой доски гробовой.

1975 г.

Вопросы и ответы

Если спросишь ты: – Откуда?
То услышишь: – От верблюда.
Ну а если спросишь: – Кто?
То в ответ: – Иван Пихто.
Вопрошая: – Что потом?
Ты получишь: – Суп с котом.
И таких ответов славных,
Выручающих исправно,
Столько в русском языке,
Сколько камешков в реке.
Петя тянет: – Жалко, что ли?
Скорый есть ответ у Коли:
– Жалко только есть у пчёлки,
Ну а пчёлка – та на ёлке,
Эта ёлочка в лесу,
Лес же будет за версту.
На вопрос: – А ты куда?
– Есть Кудыкина гора.
Кто сломал эти игрушки? —
Есть ответ блестящий: – Пушкин.
То ли это спросишь: – Где?
– У тебя на бороде.
Говорят так почему,
Мне не ясно самому.
Очевидно, потому,
Что все кончается на «У».

1975 г.

Памяти М. Цветаевой

Душа твоя – это крылья,
Крылья, держащие песню,
Песню, которую слышат
Не только на русской земле.

Тебя лебединая стая
Бросила гадким утёнком
В России, которую время
Кроило в огне и петле.

Кто видел, как белый лебедь,
Кружит над русской берёзой,
Ветками грудь терзая,
Боль, заглушая, зовёт:

– Россия, моя Россия!
Но не безмолвье ответом,
А оружейный выстрел,
Его оборвавший полёт.

Как отыскать могилу,
Чтобы убрать цветами?
Там нет ни креста, ни камня.
Там все заросло травой.

Россия тебя простила,
Простишь ли её, не знаю.
Но песня лебедем белым
Будет кружить над землёй.

1976 г.

Моя песенка

Не для тех моя песенка сложена,
Кто в иконах лики святых
Заменял масло-сытыми рожками
И заставил молиться на них.

Песенка к крестам новоявленным
Не склонила в мольбе своих слов
И касается правом славленных
Бессеребрянников дураков:

Кто ни совесть, ни честь не закладывал,
Ни себя, ни других не предал
И в душе своей кто досады вал
Хмелем, как кулаком, расшибал.

Про меня, про тебя эта песенка.
Я здесь – молотом, ты там – серпом.
Поумневшие выше по лесенке
Поднимаются над дураком.

Наверху поют песни оплачено.
Барды мне не чета, дураку.
Моей песенке предназначено
Быть повешенной на суку.

1978 г.

«День рождения, вино игристое...»

День рождения, вино игристое,
И в подсвечниках тают свечи.
Почему так уходит быстро
Этот добрый и ласковый вечер?

Подожди, не спеши, но месяц
Машет шляпой своею звёздной,
Над моей головою свесясь,
Шепчет: – Поздно, уже слишком поздно.

Через год он придёт, но будет
Вряд ли так же ласков и щедр.
Ведь известно, что время губит
Даже самый могучий кедр.

1978 г.

«Играет ворон во трубу...»

Играет ворон во трубу,
И время тащится, как Дон-Кихот на кляче.
Не будем искушать судьбу
И больше нашу встречу не назначим.

Мою любовь, как жёлтый лист,
В кровавых пятнах выступившей меди
Сорвал не дождь, не ветра свист,
А ложь и фальшь, что бьют похлеще плети.

Любовь изношена душой,
Уж не шуршит – растоптана, распята.
Я богохульствую порой,
Но всё равно любовь, как прежде, свята.

Играет ворон во трубу,
И время тащится, как Дон-Кихот на кляче.
Не будем искушать судьбу
И больше нашу встречу не назначим.

1978 г.

Торможение

Мембрана хрипела простуженным голосом.
Я в нем не узнал тот единственный – твой.
Когда же прорвался, то темную полосу
Он светлой в момент заменил полосой.

– Откуда ты? Где ты? – Узду рву терпения,
Бегу электронами по проводам,
К тебе тороплюсь, обгоняя мгновения,
Чтоб глазами в глаза, чтоб губами к губам.

– Не спеши. Не могу, – молот бьёт торможения
Так, что мне перегрузка ломает хребет.
Ну куда здесь лететь, впору плыть по течению,
Где на каждое «да» можно выдумать тысячу «нет».

Сбросив скорость на ноль,
нервы выжав свои до предела,
Приземляюсь, взяв на плечи обыденный груз.
Всё нормально, лишь только душа обгорела,
Как нутро обгорает у дюз.

1978 г.

Сольём тела в один бокал,
В том нет сомнения!
Пусть Сатана направит бал
Грехопадения!

Проходит время – бьют часы.
По разным чашам
Лишь только души на весы
Не бросьте наши.

Нам на двоих один ответ
Перед судьбою.
Один закат, один рассвет
У нас с тобою.

В едином русле два ручья
И не разлиться,
Не разобратся, где тут чья
Любовь струится.

1979 г.

Сказка

Мы, не зная все детали,
Можем просто ошибиться:
Где исход уже летален —
Там в улыбке наши лица,

А где радости колодцы —
Мчимся с вёдрами печали.
Смех ручьями звонко льётся
Там, где реки слёз бежали.

Если б только сам не слышал,
Я бы в жизни не поверил.
Если б сам не видел...
– Тише! В сказку ту закроем двери.

1979 г.

«Едим из общей миски...»

Едим из общей миски
И с общего стола.
На всех одни сосиски,
На всех одна халва.

Чего желать мне больше —
Расседлан мой Пегас.
У нас всё, как и в Польше,
А в Польше как у нас.

1979 г.

«Растаял без следа в лучах рассвета...»

Растаял без следа в лучах рассвета
Голых ветвей причудливый узор,
И небо северное распахнуло в лето
Свой голубой безоблачный простор.

В объятиях жарких солнечного света
Согретый город нежится в тепле.
По солнечным лучам шагает лето,
Зелёным морем растекаясь по земле.

Но вдруг деревьями, как крыльями, замашет,
Оно, нахмутив радуги бровей,
Дождями до краёв наполнит чаши
Широких Ленинградских площадей.

И ярче вспыхнет день, и лужи, словно блюдца,
С губ облаков стекает молоко
И хочется руками дотянуться
До солнца, но оно так высоко!

А к горизонту лишь оно склонится
И окунёт лучи свои в залив,
Закат взметнётся сказочной жар-птицей,
Своею грудью солнце заслонив.

Он в клетке неба бьётся до рассвета,
Роняя перья алые в Неву.
Так через ночь шагает в утро лето,
Росы жемчужины просыпав на траву.

1980 г.

На смерть В. Высоцкого

Он сердцем пел и прикипал душой.
По струнам, как по обнажённым нервам.
Не отступая, вёл неравный бой
В семидесятых так, как в сорок первом.

Кто встать мог рядом – тот, отступая, шёл,
Спиною повернувшись к той высотке,
Где не склоняясь, яростен и зол
Наотмашь хлётко песней бил Высоцкий

По подлости, по мерзости людской,
Чтоб зло добро за горло не хватало,
Чтоб души не изъелись чернотой,
Чтоб правду ложь собой не заслоняла.

Как оправданье – подлый шепоток:
Мол де он пил запойно и допился.
Да! Жаден был, но каждый свой глоток
У жизни брать за просто так стыдился.

От воронья чернеет небосвод,
Клевавшего его ещё живого.
Напрасно кружат – память не умрёт.
От сердца к сердцу вечная дорога.

Да! Ни чугун, ни бронза, ни гранит,
Не смогут даже мраморы Каррары.
Лишь только память песни сохранит
В их триединстве: слов, души, гитары!

Жгут слёзы – скорбь снимает дань
И болью загоняет гвозди в доски.
Смахни слезу и, выпрямившись, встань
За соль Земли так, как стоял Высоцкий.

25 июня 1980 года

Облако

На скорой
еду
скоро,
Дорог
лохматя
гривы.
Вдоль
солнечного
бора,
Где сосны
словно
дивы.
А в небе
синеоком
Над ними
парус белый,
Плывущий
одиоко,
К кому
и в чьи
пределы?
Он мне
собрат
по духу
Без пристани,
без дома.
Я протянул бы
руку
К нему
до окоёма.
И крепкое
пожатие
Скрепило б
нашу дружбу.
У нас
одно распятые.
Другого
нам
не нужно.
Растаять,
раствориться
В бескрайней
этой дали.
Со всей
Вселенной

Зоопарк

Мы идём по зоопарку впятером,
В двух портфелях мы с собой еду несём.
Только мы еду несём не для зверей,
А для наших голодающих детей.

На скамеечке лежит горой еда,
Бутерброды и черничная вода.
У Раисы бутерброды в двух руках,
А вода уже на маминых ногах.

Август 1980 г.

Под левый марш

Разворачивайте в марше
Бутылочный строй – по-русски.
Будем пить без ораторов и даже
Без всякой закуски.

На основании законном,
Данным Адамом и Евой:
Бутылку мы держим в правой,
А рюмку мы держим в левой.

Как океан – скатерть,
Фужеры – как шхуны на рейде.
Кто там сказал:
– Хватит?
Штрафную ему налейте!

Сегодня, согласно закону,
За пьянство карать не будем,
Печень, как клячу загоним,
Мы в назидание людям.

1980 г.

Круг воспитания (СТАРШЕМУ СЫНУ)

Воспитывать – не есть давать,
Воспитывать – не обувать,
Воспитывать, да сытого —
Непросто вам сказать.

Когда тебе двадцать один,
И появляется вдруг сын,
И даже пусть совсем не вдруг —
Но тут кончается досуг.

И сразу нужно начинать
Воспитывать, воспитывать...
А я был явно не готов —
Ни в части дел, ни в части слов.
И начинать не мог с азов,
Не зная точно, аз каков.

Итак пошло – воспитывал,
А сын – перевоспитывал!
Науку мне преподавал
И каждый раз досады вал
Выше девятого вздымал,
Усвоил ли, испытывал.

Так проходил за годом год.
С меня сходил за потом пот.
Пусть не добился я венца,
Но сын признал во мне отца.

А то, что мне не удалось,
Я не оставил на авось
И не сказал себе я: – Брось!
Вобьётся в дом последний гвоздь,
В него придёт желанный гость,
Была бы ось!

Я знаю, что раздастся стук,
И в мир уже войдёт мой внук.
У сына кончится досуг,
И наконец замкнётся круг,
И будет сын воспитывать,
А внук – перевоспитывать.

1981 г.

«Солнце, стосковавшись без работы...»

Солнце, стосковавшись без работы,
Льётся, как янтарный мёд из сот.
Словно дети расчертили самолёты
Белым мелом синий небосвод.

Город мой, твои снега, метели,
Как из чаши, выпила до дна
И уже не гостьей по апрелю,
А хозяйкой шествует – Весна.

Зимние плотины все разрушив
Набежавшей солнечной волной,
Словно берег, захлестнула души,
Выплеснувшись радостью земной.

В пробуждении – удивленья ноты,
Будто век прошёл у сна в плену,
И как будто поцелуем кто-то
Разбудил уснувшую струну.

13 апреля 1981 г.

Размышления на Ваганьково (ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА СМЕРТИ В. В. ВЫСОЦКОГО)

Это место непросто обойти стороною,
Ведь подобных ему на Ваганьково нет.
Здесь в могиле одной похоронены трое,
Убиенные разом – актёр, певец и поэт!

Редкий случай – тут брошен был жребий
Или на них указал кто-то свыше перстом,
Но скатились, след оставляя на небе,
Три звезды, в край земли ударившись лбом.

От удара качнулась планета,
Обожгла боль до самой оси.
Нет актёра, певца и поэта.
Мёртвым сном они спят на Руси.

Сердце помнит, но кто осияет
Вместо них необъятную Русь?
Тот, кто близко – гореть не желает,
А далёких судить не берусь.

25 августа 1981 г.

Слово правды

Чем убивают слово,
Слово, в котором правда,
Полное боли и муки,
Выношенное душой?

Его убивают не страхом,
Не топором на плахе,
Его убивают не пулей
И душат его не петлёй.

Его убивают – словом,
Словом, в котором нет правды,
Словом, где каждая буква —
Словно отточенный нож.

Во мрак погружает отчаянье.
Нет страшней злодеяния,
Чем слово, убитое словом,
Имя, которому – ложь!

1981 г.

«Не могу ответить больше...»

Не могу ответить больше,
Так как раньше, например:
– Как дела? – А так как в Польше.
Нет, иначе в СССР:

Мы едим из общей миски,
Крохи с барского стола,
Здесь на всех одни сосиски,
Здесь на всех одна халва.

Мне и горько, и обидно,
Слёзы сыплются из глаз.
В Польше – это очевидно:
Всё иначе, чем у нас!

1981 г.

Пятая звезда Леонида Ильича Брежнева

Как на новогодней ёлке,
От макушки и до пят,
Все собой затмив иголки,
Звёзды на груди горят.

Нет уж места, весь обвешан.
Ну куда ещё одна?
Шаг и так давно неспешен —
Грудь стеснили ордена.

1981 г.

И. Л.

Не моя Вы, милая,
Не моя
И не рвусь я жилами,
Чувства сохраняя.

Юность длинноногая —
Ну и прыть!
Пропущу, не трогая,
Так и быть!

Март 1981 г.

Длинноногая

В её холодной строгости
И гордой длинноногости
Незыблемая вера в неотразимость чар.

Идёт – и в искушении,
Седой, а тем не менее,
Уже звенит он шпорами, как истинный гусар.

Если с шармом женщина
– Подвинься, деревенщина!
Что делать рядом увальню?
– Лишь вылупить глаза!

Так на земле устроено
– По чину все раскроено:
Кому – вся спелость ягоды, ну а кому – лоза.

1981 г.

«Дорогая моя, хорошая...»

Дорогая моя, хорошая,
Ты напрасно не веришь словам.
Верь, родная, случайным прохожим
И без лести преданным псам.

От тебя им так нужно немного
На клочке этом малом земли:
Ну махни им платком на дорогу,
За ушами рукой потрепли.

Если вдруг шевельнётся, занует,
Где душа быть как будто должна,
В горизонт уползающий поезд,
Как ужалившая змея,

То, видно, не было это игрою,
Раз так больно задело крылом
Это нечто, что часто душою
Мы – неверующие – зовём.

1981 г.

Сибирь

За окном гостиницы
Небо яро синится,
За окном гостиницы
неоглядна ширь.

Объ косой играетя —
Девушка-красавица
И струится, русая,
через всю Сибирь.

Как волной пригубится,
На всю жизнь полюбится
И обнимет накрепко кедром и сосной.

К ней душой прикованный,
Чудом очарованный —
Уже в целом мире не найдёшь другой.

1981 г.

Кореянка

Искра в уголь черноокий —
Пламя в яростном потоке,
Как лучина, вспышкой ярка,
Оттого, что сердце жарко.

Юность – камень без огранки,
Кроме стати и осанки —
Вольный дух степи и ветра,
Напоённый далью щедро.

Мне весну бы и тальянку
К этой дикой кореянке.

Апрель 1981 г.

Где?

В тусклом свете утро серо.
Нет любви, надежды, веры.
Ни намёка перспективы.
Где рассветы златогривы?

Где соловушкины трели?
Где пастушечьи свирели?
Вот ответ, звучащий мудро —
Там, где синеглазо утро.

1981 г.

«Лазорево, румяно...»

Лазорево, румяно
Над клочьями тумана,
Поднявшись рано-рано
Звездой киноэкрана,
Взошло на сцену дня,
Чтоб разбудить меня.

1981 г.

Дождь

Люблю его стремительно летящим —
Как хищный зверь, ликующий, урчащий,
Он в жертву впился тысячью когтей,
Живую плоть пронзая до костей.

Люблю его и тихим, морозящим,
Бредущим по полям и по багряным чашам.
Как инок – и с молитвой, и с сумой
Он в этом мире, веруя в иной.

Люблю его искрящимся, весёлым —
Он в новый день приходит новосёлом
И в радугах их семицветном кружеве,
Едва земли касаясь, кружит он.

Люблю его таким вот – многоликим
– Весёлым, буйствующим, тихим!

Июнь 1981 г.

«Надо ж, выпито вино...»

Надо ж, выпито вино
Голодранцами.
Это что там за кино
С танцами?

Я не буду танцевать,
Заинька.
Хорошо бы на кровать
Баиньки.

Не хочу я кофею
Даже с Томасом,
Хочешь, песенку спою
Пьяным голосом:

«Ой мой миленький опавший
Клён застынувший...»
Дорогая, я поддавший —
Я у финиша.

1981 г.

Кружева

Кружева и кружевницы,
Как похожи – бледнолицы.
За бездонной синью взора
Скрыто таинство узора.

Образа, молитвы, свечи,
Белый голубь, смелый кречет,
Радость, слёзы, боль, отчаянье
Льётся нитью сердца тайна —

Словно строчки на станице
Кружева у кружевницы.

1981 г.

В. Высоцкому

Где, в каком углу России сонной
Сердцем прикасаешься к струне?
Голосом, как бомбой многотонной
Ударяешь ты по тишине?

Магнитофоны лишь гудят, как пчёлы,
Песни разнося по всей стране.
Их горький мёд пьют города и сёла,
Разведя на водке и вине.

Только сам ты не пошлешь отныне
В бой со сцены песенную рать.
И хмельной не будешь на вершине,
Чуть другим завидуя, стоять.

Ты не кликнешь в образе Хлопуши
За собой на липовую медь
Трахнуть так, чтоб отряхнули души
Дремотой наваянную бредь.

Там в Москве, в Ваганьковском пределе
Заперли тебя в земную твердь,
Чтобы струны больше не звенели
И невмочь чтоб было песни петь.

В непроглядной темени и стыни,
Не имея сил её нести,
Ты Россию обнял, как святыню,
На века прижав к своей груди.

1982 г.

Может быть, схожу с ума?

Я смотрю, и мороз пробегает по коже:
От утра до утра, от утра до утра —
Закрываю глаза, открываю и вижу всё то же
Я сегодня, что видел вчера.

Не до рыцарских дел, Дон-Кихоты – бродяги
– Им теперь лишь в музеях стоять.
От бездействия ржавчиной съедены шпаги
И блестит лишь одна рукоять.

Я смотрю, и мороз пробегает по коже:
От утра до утра, от утра до утра
Закрываю глаза, открываю и вижу всё то же
Я сегодня, что видел вчера.

Словно в диком лесу, лиходеи пронзительно свищут,
Наступают на пятки, оттесняя саженью в плечах,
Бьют под рёбра локтем и в лицо кулачищем,
А в глазах – пустота ледяная в глазах.

Я смотрю, и мороз пробегает по коже:
От утра до утра, от утра до утра —
Закрываю глаза, открываю и вижу всё то же
Я сегодня, что видел вчера.

Манна с неба не жду, не ищу я зарытого клада,
Протираю глаза я до хруста в кистях,
Чтоб стряхнуть наваждение, большего мне и не надо,
Но по-прежнему тени качаются на фонарях.

Я смотрю, и мороз пробегает по коже:
От утра до утра, от утра до утра —
Закрываю глаза, открываю и вижу всё то же
Я сегодня, что видел вчера.

И мне чудится, что миллион невидимок
К нам пришли и всё точат, как ржа.
Ведь на всех этажах лишь следы от ботинок
И от этих следов чья-то слепнет душа.

Я смотрю, и мороз пробегает по коже:
От утра до утра, от утра до утра —
Закрываю глаза, открываю и вижу всё то же
Я сегодня, что видел вчера.

1981 г.

«Пыжики» и «кролики»

Чей-то происк или блуд,
Только ряд за рядом
Мимо «пыжиков» идут
«Кролики» парадом.

Крики слышны из рядов
В радостном волнении:
Каждый «кролик», мол, готов
Сдать без промедления

Без остатка скорняку
Мех свой вместе с кожей.
А они глядят в толпу —
Вот такие рожи.

Что им «кролик»? – Он не брат,
И кричит он сдуру.
Этот «пыжик» знает, гад,
Всё про диктатуру.

1982 г.

Разговор с водителем такси

Все воруют. То не мода:
Жизнь не в жизнь без воровства!
На Руси так от природы —
Привыкаем сызмальства! —

Начал так со мной водитель
Этот странный разговор.
Я вообще-то не любитель
Затевать бесплодный спор,

Но вступился и с напором,
В зеркальце скрестив с ним взор:
– Каждого считаешь вором,
То, выходит, сам ты – вор.

– А то как же? – Я опешил.
Обходного нет пути.
Прочеси темя до плечи —
Мысли нужной не найти.

Если прав он, я замаран,
Как частица бытия,
И одна должна быть кара
Для него и для меня.

Вывод здесь один бесспорен —
Спора нашего венец:
Он, глядящий прямо в корень,
Правдолюбец, а я – лжец.

Вместо двух с полтиной трёшку
Дал и вышел. Сдачи нет.
Вокруг плоски каждый с ложкой,
Как водитель, так и мент.

1982 г.

Матери

Тридцать девятая весна
Пошла от той весны,
Когда топтала мир война,
А я не знал войны.

Твоим объятьем защищён
От тех метелей злых,
Не слышал я предсмертный стон,
Не видел скорбь живых.

Что кровью, а не молоком
Поит война – не знал
Тогда, когда беззубым ртом
Пустую грудь терзал.

Зайдясь до синевы, орал,
Рвал голод горло мне
И крик мой вызовом звучал
Грохочущей войне.

Я понял, сквозь меня года,
Когда прошли толпой,
Что отдавала мне тогда
Ты часть себя самой.

И то твоё, пока дышу,
В себе я сохраню,
Твою любовь, твою слезу
И сердца боль твою.

1982 г.

«В белую грудь, как в подушку зарыться...»

В белую грудь, как в подушку зарыться.
Пусть не влюбиться, а только забыться
От всяких материй, различных субстанций,
От мчащихся мимо полустанков и станций,
Отвлечься от времени быстро летящего,
От нашего прошлого и настоящего.
Остановить даже мысли течение
– Пусть всё поглотившее наступит забвение!
Такое забвение доступно лишь мёртвым,
И слабость свою посылаю я к чёрту.
Что было, то было – со счетов не сброшу,
Буду нести до конца свою ношу:
Груз одиночества, радость общения,
Все понедельники и воскресения.

*Ростов. Ночь в аэропорту.
1982 г.*

Завещание

Согрей в ладонях горсть земли
И брось на крышку гроба,
Чтоб мрак и холод не смогли
Со мною сладить оба.

Громада уходящих лет
В тлен превращает кости.
Не тленны лишь тепло и свет
От этой малой горсти.

И сколько б не текла луна
Столетий на планету,
Покуда есть он и она —
Любовь не канет в Лету.

Всё, что вошло нам в плоть и кровь,
Уходит по наследству.
Живёт нетленная любовь
С враждою по соседству.

Был коротко с враждой в ладу,
Зато с любовью – долго
И в мир теней, когда сойду,
То не оставлю долга.

Согрей в ладонях горсть земли
И брось на крышку гроба,
Чтоб мрак и холод не смогли
Со мною сладить оба.

20 февраля 1982 г.

Осень

Снова осень медью кружит,
Словно льёт колокола.
Опрокинут город в лужи,
Как в большие зеркала.

День короче, ночь длиннее,
Потерял закат зарю,
Но во славу Гименея,
Мёд течёт по сентябрю,

Чтобы через зимы в вёсны,
Снова шло цветенье в лад,
Чтобы мог по травам росным,
Вновь догнать зарю закат.

1982 г.

Одна ночь

Страсть закована в бетоне,
Заморожен крик и вздох.
Нынче сдержанность на троне,
И во всём и толк, и прок.

Звёзды падают в окошко,
Льётся жёлтый сок луны,
Ночь хлебает полной ложкой,
Пьёт из кубка тишины.

Дотянуть бы до рассвета.
Ох! Как сердцу невтерпёж.
На любовь сегодня вето,
Как у горла острый нож.

1982 г.

Академгородок

Малый ломтик тайги
Отобрав у Яги,
У Вселенной – кусок небосвода,

Здесь собрался народ
Чистый пить кислород,
Был народ тот особого рода.

Нет, не тот, что в скиты
Свой уклад и кресты
Уносил от Петровской расправы.

Шёл тернистой тропой
Он в тот край за мечтой
И конечно немножко за славой.

И возник городок,
Вышел весь невысок,
Постигая все азы и буки,

Он уводит с Оби
Свои корабли
Каждый день к белым пятнам науки.

1982 г.

Невесомость

Говорят, что невесомость —
Есть космическая новость
И она не ошутима
здесь на матушке-Земле.

Не представился мне случай
Опрокинуться за тучи,
На космическом поднявшись
к звёздным высям корабле.

Пусть покажется вам странным
На земле обетованной,
Но однажды невесомы
стали пять пудов моих.

Может, ветреная Геба,
Пошутив, седьмое небо
Опрокинула на землю
на один короткий миг.

И земное тяготение
Отступило в удивлении,
Позабылось и ослабло
притяжение земли.

Тело стало невесомым,
Ощущением полон новым,
Я парю, им окрыленный,
близ Земли, а не вдали.

И тогда во всей Вселенной
В этот миг самозабвенный
Лишь остались только двое
— это были я и ты.

Если нашим чувствам верить,
В неизведанное двери
Мы открыли и узрели
невесомости черты.

16 апреля 1982 г.

Где вы?

На пустом стакане пальцы
Вытанцовывают вальсы —
Всё в затылке, а в бутылке
даже капли нет вина.

И не то, чтобы к веселью
– Завертелось каруселью,
Закружилось и исчезло,
как дрожащая струна.

Нет ни время, ни пространства,
Наступило постоянство —
Ни налево, ни направо
не могу я сделать шаг.

Ведь в дурмане, как в тумане
Только слышу: – Мани, мани, —
Всё выкрикивает кто-то:
может друг, а может враг.

Не могу я разобраться,
Иступлённо кричу: – Братцы!
Помогите, замурован,
как за каменной стеной!

Бьют – не ощущаю боли.
– Где вы, Пети, Вани, Коли?
Неужели приключилось
с вами то же, что со мной?

1982 г.

Зависть

Я стать желаю двухметроворостым,
Когда проходишь мимо, хороша!
Желание мое, как нищий по погостам,
Бредёт, не получая ни гроша.

Лицо луной над головой моею
Плывёт улыбкой, озарив округ.
Напрасно я вытягиваю шею —
До плеч твоих не дотянуть мне рук!

1982 г.

Млечный путь

Вот Млечный путь,
пропитан звёздным соком!
К нам проникая в грудь,
он с губ стекает охом.
В нем вечности
непостижимый смысл —
Бездонен он
для наших коромысл.

1982 г.

«**Чем площе грудь, тем ближе ты ко мне ...»**»

Чем площе грудь, тем ближе ты ко мне —
Весь целиком я в трепетном огне!
Короче ты – я чувствую длинней
Себя в тебе и действую смелей.

Чем уже ты – тем в большей толщине
Моё в твоей прибудет глубине.
Но если ты останешься большой,
Придётся ночь мне провести с женой.

Как путник, троп не знающий в горах,
Я заблужусь в дородных телесах,
Сорвавшись вниз с какой-нибудь груди,
К блаженству так и не найду пути!

1982 г.

Признание

Хочу слышать тебя,
хочу видеть тебя,
Но легли между нами
леса и поля.

Видим звёзды одни
мы ночью порой,
Только ты не со мною,
а я не с тобой.

И туда, и сюда,
и туда, и сюда
Летят самолёты,
спешат поезда.

Видим звёзды одни
мы ночью порой,
Только ты не со мною,
а я не с тобой.

Нам разлуку нельзя
оборвать, словно нить,
Нашу встречу нельзя
из надежды скроить.

Видим звёзды одни
мы ночью порой,
Только ты не со мною,
а я не с тобой.

Понимаю умом,
только сердцем понять не могу:
Отчего? Почему
так на нашем веку?

Видим звёзды одни
мы ночью порой,
Только ты не со мною,
а я не с тобой.

1982 г.

А. В. Туровцеву

Нынче физик не в фаворе,
Пролетарий – в королях!
Вот он – в лавровом уборе,
Весь в рублях и орденах!

Так куда интеллигенту?
Где та пристань, тот причал?
Случай сей беспрецедентный —
Все начала без начал.

Бедовать ради идеи,
Засупонив животы?
– Лучше ближних пожалеем,
Сбережём от маяты!

На былое без истомы
Мы возложим, как венки,
Наши красные дипломы,
И пойдём в проводники.

Там плацкартные вагоны
Ядра – что не по зубам
Были синхрофазотронам —
Вмиг расколуют пополам.

Тяжела у нас работа —
Руки в чёрных мозолях.
До седьмого бьёмся пота
В развалюхах поездах.

Но зато не молим бога
Нам на чёрный день подать.
Белой скатертью дорога —
Самобранкой в благодать!

Не представят нас к награде
За витки вокруг земли.
Рельсы спереди и сзади —
Мы выходим в короли!

1983 г.

Весна

Вошла, играя косами,
Красна девица в круг
И спавшие без просыпу
Глаза открыли вдруг.

Март принял первым вызов,
Сбив шапку набекрень,
Рванулся в круг, – и рыжих
За ним кудрей кипень.

Тут не удержишь вожжи
В хмелю от куража:
– Прочь глухомань берложья,
Разбужена душа!

Снег аж дымком клубится,
Всё ярче дня костёр,
Мелькают солнца спицы,
Веда весны узор.

1983 г.

Дождик

Как на цыпочках, идёт
Дождь почти беззвучно.
Капля вот и капля вот
Падает поштучно.

Сосчитать попробуй их
Все, не пропуская.
Вот одна – за воротник,
А на нос – другая.

Но уже и там, и тут
Шире, а где уже,
Змейками ручьи бегут,
Собираясь в лужи.

Он обманщик и шутник —
Дождик этот самый.
Даже лучший ученик,
Даже вместе с мамой —

Сосчитать бы тут не смог
Бусинки – дождевки.
Он бы просто сбился с ног,
Промочив ботинки!

15 Апреля 1983 г.

Лиловый бегемот

Мне нравится лиловый бегемот —
Не кукла, не медведь, не этот кот.
Пусть он при длинной шпаге и усах,
И шпоры у него на сапогах —

Мне всё равно милее бегемот.
Он открывает свой лиловый рот
И говорит со мною, как живой, —
Такой забавный и такой смешной!

– Ну, бабушка, пожалуйста, купи!
Она мне отвечает: – Не глупи.
Для малышей та сделана игрушка.
Ещё бы попросила погремушку.

– Но я всю жизнь мечтала о таком!
Пусть я чуть-чуть побуду малышом
Ну что случится: один денёк, другой?
А после сна стану я большой.

1983 г.

Говорим и пьём

Мы на скатерти равнодушия
Вина льём рекой, складно кушая.
За отрыжкой, да икотою
Словоблудствуем, ох, с охотою.

Как меж пальцев хлеб —
слово в крошево:
Ничего нигде нет хорошего.
За ребром идей – сердце лживое,
А у наших уст – страж с секирою.

И от этой всей безысходности
Мы едим и пьём в лжи и подлости.
Ох, болтлива Русь испокон веков
И лениво Русь к делу шла от слов.

Ну куда уж ей тут ковать – пахать?
Она вся и всё посылает в мать!
И на скатерти равнодушия
Пустота одна до удушья.

1983 г.

«Сорок лет, уже не мальчик...»

Сорок лет, уже не мальчик...
Если мне покажут пальчик,
То смеяться не могу я,
Сам не знаю почему.

Может быть мои потери
В этот смех закрыли двери,
С корабля бегущей жизни
Бросив ключик за корму.

1983 г.

Романов – секретарь Ленинградского обкома

Ты нам с трибуны не маши рукой,
Спускайся вниз и походи средь смертных!
Ведь каждый раз, укрывшись за бронёй,
Ты мимо нас летишь быстрее ветра.

Что нас бояться, мы ведь не враги,
А раз друзья, так почему не вместе?
Позвал бы нас к себе на пироги
И водочки налил бы грамм по двести.

Но не хвати, как прежде, через край.
Мы все простые люди без капризов.
В Таврическом для нас не накрывай,
Из Зимнего не надо брать сервизов.

К пивку нет воблы, так подай сметки.
Потолковали б, мы же ленинградцы.
Вот к Ленину ходили ходоки,
А до тебя никак нам не добраться.

Как по-простому нам к тебе попасть?
Ведь, как в огне, к тебе не сыщешь брода.
Так чья же нынче в Ленинграде власть?
Твоя, Романов, или же народа?

1983 г.

«Не зажжёшь отгоревшей зари...»

Не зажжёшь отгоревшей зари.
Трудно с временем выиграть битву.
Понапрасну себя не кори,
Не ищи в заблужденье молитву.

В уходящем конечно есть грусть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.